

УДК 81.42

**ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ И ВОКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИМЕН НАРИЦАТЕЛЬНЫХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**Юй Исин^{1, @}¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
@ yux-diana@yandex.ruПоступила в редакцию 30.05.2017.
Принята к печати 17.08.2017.**Ключевые слова:** обращение, имена нарицательные, вокативные функции, жанровая закреплённость, вокативный потенциал, коммуникативные взаимоотношения.**Аннотация:** В статье рассматривается жанровая закреплённость разнообразных единиц обращения. Особое внимание уделено изучению форм обращения и их вокативных функций в жанрах художественной литературы. На основе применения метода структурного и компонентного анализа форм обращения выявляются две основные функции вариантов обращения в художественной литературе – звательная функция и фатическая, осложнённая эмоционально-экспрессивными и аксиологическими компонентами. В результате анализа оказалось, что реализация вокативного потенциала имен нарицательных во многом зависит от их семантических параметров. В рассмотренных художественных произведениях большим вокативным потенциалом обладают те нарицательные имена, за которыми стоят «статусные» роли их референта, проявляющие себя в социальной или родственной иерархии, по которым они противопоставляются семантически смежным с ними. Вместе с тем слова с положительной оценкой легко выступают в роли обращений, поддерживающих уже начатую коммуникацию, а реляционные слова являются важным вокативным средством в силу их сильной идентифицирующей функции и одновременно возможности играть роль средства для поддержания коммуникации. Раскрываются социальные и коммуникативные взаимоотношения людей в ситуациях, где следует соблюдать «социальную дистанцию» и придерживаться «принципа вежливости» и «принципа кооперации».**Для цитирования:** Юй Исин. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 217–222. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-217-222.

Под термином «обращение», обозначающим важное грамматическое средство организации направленности речи, понимается вокатив, иначе говоря, звательный падеж. Звательный падеж, наименование которого происходит от латинского слова «vocativus», употребляют для того, чтобы идентифицировать лицо (объект), которому адресовано обращение.

В древнерусском языке звательные формы отмечаются в памятниках письменности: *братие и дружино!* («Слово о полку Игореве»). Тем не менее «приблизительно в XIV–XV вв. звательная форма была утрачена» [1, с. 287]. В качестве звательной формы, или обращения, теперь употребляется форма именительного падежа. Примечателен тот факт, что «русский язык развил и своеобразную новую звательную форму, представляющую собой нечто вроде усеченного именительного падежа»: *мам!; Кол!; пап!; Ван!* и т. д. В. В. Иванов отмечает, что «подобные факты никак не связаны в своем происхождении с древнерусской звательной формой и являются новообразованиями, возникшими в живой русской речи относительно позднего исторического времени» [1, с. 287].

В коммуникативном пространстве русской культуры в сфере обращения широко представлены не только личные имена (онимы) в их общепринятых вариантах (имя, имя-отчество, отчество, фамилия в их сочетаниях, а также уменьшительно-ласкательные разновидности

официального, паспортного имени человека), но и имена существительные нарицательные, имена прилагательные, а также междометия (например, *голубчик, дорожкой, эй*). При этом большая часть русских обращений эмоционально окрашена, вследствие чего их выбор и употребление должны коррелировать и со статусом собеседника (его возрастом, полом, социальным положением), и с характером речевой ситуации. Вместе с тем многие формы обращения закрепились за определенными жанрами, что позволяет исследовать их в связи как со стилистической дифференциацией лексико-семантического уровня языка, так и с функциональной дифференциацией речи по существующим сферам культуры (функциональные стили, речевые жанры).

В процессе развития литературного языка сформировались различные речевые жанры (устойчивые типы совмещения стилистически маркированной лексики в речи), в том числе присутствуют не только литературные, публицистические, научные, деловые, но и типы устного диалога – семейно-бытового, салонного, фамиллярного, общественно-политического, философского и т. д. Речевые жанры в качестве объекта исследования устной и письменной речи изучены довольно подробно (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, А. Д. Шмелев, Н. Б. Степанова, Н. А. Минаева) [2–7]. В соответствии с концепцией речевых жанров М. М. Бахтина «всякое высказывание <...> может отра-

зять индивидуальность говорящего, то есть обладать индивидуальным стилем» [2, с. 240]. Тем не менее «не все жанры одинаково благоприятны для отражения индивидуальности говорящего в языке высказывания. Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке присущи тем речевым жанрам, которые требуют стандартной формы», а «наиболее благоприятны жанры художественной литературы» [2, с. 241]. В качестве примера приведем контекст из романа «Война и мир»: «*Что вы, милая, – сказала она сердито девушке, которая заставила себя ждать несколько минут. – Не хотите служить, что ли? Так я вам найду место. Графиня была расстроена горем и унижительною бедностью своей подруги и поэтому была не в духе, что выражалось у нее всегда наименованием горничной «милая» и «вы».*»

«В хорошей речи должно быть строгое соответствие жанру. При выборе речевого жанра необходимо учитывать ситуацию общения, коммуникативную цель, характер коммуникации, сферу речевого общения, адресованность» [8, с. 165]. Пьеса является особым жанром художественных текстов, поскольку она состоит из реплик различных персонажей и разных ситуаций, что в ярком виде отражает диалогичность, в которой проявляет себя «смена речевых субъектов» (смена говорящих), «специфическая завершенность» и «отношение к самому говорящему (автору высказывания) и к другим участникам речевого общения» [2, с. 249, 255, 263]. Как отмечает М. М. Бахтин, «диалог по своей простоте и четкости – классическая форма речевого общения. Каждая реплика, как бы она ни была коротка и обрывиста, обладает специфической завершенностью, выражая некоторую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию» [2, с. 250].

Надо отметить, что разнообразные формы русского обращения могут быть сгруппированы по их жанровой закреплённости. В публицистических, деловых и научных жанрах обычно употребляется форма «имя-отчество», соответствующая паспортной идентификации человека, а также апеллятивы *господин/госпожа, дамы и господа, гражданин/гражданка* (чаще в правовой среде), *коллеги*, которые нередко стоят в сочетании с прилагательным *уважаемый, друзья* (часто с притяжательным местоимением *мой*), что обусловлено официальностью речевой ситуации, определяющей значительную социальную дистанцию коммуникантов по причине их разного социального статуса либо возраста (иногда эти параметры связаны).

А в бытовых речевых жанрах форма «имя-отчество» применяется как знак особо уважительного отношения говорящего к собеседнику, а также в тех случаях, когда люди мало знакомы друг с другом. Кроме того, в бытовой речи часто используются уменьшительно-ласкательные формы личных имен (*Андрюша, Люсенька*), указывающие на отсутствие дистанции в отношениях между говорящим и слушающим. Внимания заслуживает широкое употребление в обыденном речевом общении и многочисленных имен нарицательных, одни из которых имеют очевидный стилистически сниженный оттенок, например, *парень, малый, дружок, приятель, юноша, мужик, старик* и т. д., другие в большей степе-

ни акцентируют эмоциональную окрашенность типа умиления, ласки, близости, симпатии, любви: *сердечко, крошка, радость, жемчужина, рыба* и др. Вместе с тем в бытовом речевом общении такие достаточно употребительные в составе обращения прилагательные, как *дорогой, милый, любимый*, прибавляют к обращению теплый, сердечный оттенок.

В обращениях, использованных в художественных произведениях, наличествует «индивидуальное творчество», под которым понимается и наполнение формы слова (его означающего) иным содержанием, и создание образа, и переосмысление общепринятого сочетания слов. Как отмечает Л. О. Чернейко, «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [9, с. 25].

В русском языке особую смысловую нагрузку несет использование в официальной речи неофициальных форм: *Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете»* («Чайка»); и, наоборот, использование в неофициальной речи официальных форм: *Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость. Ступай, Федор!* («Три сестры»). В первом случае фамильярный вариант личного имени свидетельствует о желании сокращения социальной дистанции между говорящим и собеседником. А во втором случае говорящий прибегает к «приему речевого отчуждения» [10, с. 159]: полная форма личного имени говорит об эмоциональном состоянии говорящего – возмущении и холодном отношении жены к мужу.

Из всего многообразия форм русского обращения особенно выделяется (как недостаточно изученная) вокативная функция имен нарицательных, обозначающих лицо. Т. Е. Янко предлагает следующую классификацию имен лиц и других нарицательных имен на основании их вокативного потенциала по возрастанию [11, с. 239]: 1) имена таксономических классов людей, которые можно назвать именами-«таксонами» (*узбек, студент*); 2) оценочные имена (*предатель, сумасброд*); 3) ролевые имена (*докладчик, свидетельница*); 4) реляционные имена (*шеф, земляк*); 5) онимы (*Вася, Василий*). Вместе с тем Т. Е. Янко выделяет два фактора, определяющих вокативный потенциал слова, – социолингвистические традиции (в том числе «категорию вежливости») использования слов: *доктор, врач, таксист, водитель, гость, сосед, зритель, пассажир* и др. и собственно семантические признаки «хороших» обращений: *доктор, водитель* и «плохих» обращений: *врач, таксист, гость, сосед и зритель, пассажир* без прилагательных [12, с. 574 – 575]. В рассмотренных пьесах А. П. Чехова («Чайка», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Иванов») и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в функции вокатива выступают в основном имена трех классов – это оценки, релятивы и онимы.

Т. Г. Винокур предложил оппозицию двух полярных речевых замыслов – «информатики» и «фатики». «Информатика» понимается как вступление в общение, имеющее целью «сообщение» чего-либо, тогда как «фатика» понимается как вступление в общение, имеющее

целью предпочтительно само «общение» [13, с. 5–6]. «Фатическое общение – это прежде всего диалоговое, контактное общение. Чрезвычайно важными оказываются вход и выход из такого разговора» [14, с. 143]. Выделяя праздно-речевые жанры как варианты фатической коммуникации, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «праздно-речевая деятельность не имеет непосредственной цели, но очень важна как регулятор психического состояния людей, их взаимоотношений; она развивает художественные задатки, тренирует интеллектуальные способности» [15, с. 55].

Важно отметить, что имя нарицательное может совмещать две функции обращения – апеллятивную (собственно «звательную») и эмоционально-экспрессивную, которую можно считать разновидностью «фатической» как контактоустанавливающую и контактоподдерживающую. В исследовании и моделировании коммуникативных стратегий А. П. Чехова А. Д. Степанов выделяет две коммуникативные цели фатики: первая из них – это «общение ради общения, обмен словами, который способствует общности людей и не преследует иных, практических целей» [16, с. 292]. Вместе с тем «общение может способствовать либо улучшению, либо поддержанию, либо ухудшению отношений собеседников» [16, с. 292]. Вторая цель – это «установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, то есть проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [17, с. 201].

В обращении, представляющем собой важный элемент стратегий речевого поведения, выполняющих фатическую задачу высказывания, «коннотативный план коммуникативно-стилистического характера способен выступить как абсолютная ценность» [13, с. 6]. Как отмечает Т. Е. Янко, стандартным средством образования вокатива с выражением чувств говорящего по отношению к слушающему является присоединение местоимения *мой* к лексемам со значением свойства [11]. Приведем примеры из пьес А. П. Чехова: *Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка* («Чайка»); *Я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском, голубчик мой* («Три сестры»); *Не ходите, дуся моя* («Три сестры»).

По наблюдениям В. И. Супруна, «в качестве вокатива могут употребляться практически все прилагательные с положительной семантикой» [18, с. 51]. Они широко представлены в пьесах А. П. Чехова, например: *Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю...* («Три сестры»); *Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, мой милый, чудный* («Чайка»). Аналогом вокативной формы признается и метафорическое употребление абстрактных существительных или конкретных в их переносных значениях: *Что, девочка моя, радость моя?* («Три сестры»); *Здравствуй, душа моя. Что скажешь?* («Три сестры»); *Пойдем, светик...* («Дядя Ваня»); *Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей!* («Дядя Ваня»); *Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пушу...* («Чайка»).

Важно отметить, что применение существительных в метафорическом значении легло в основу формирования различных ников и прозвищ: *Вафля, играй!* («Дядя

Ваня»); *Ну что, казак мой?* (Марья Дмитриевна «казак» называла Наташу) («Война и мир»). Слово *ник* заимствовано из английского языка и включается в синонимический ряд с такими исконно русскими словами, как *кличка* и *прозвище*. Можно обнаружить, что *ник* часто является производным вариантом собственного имени или фамилии, имени мифических персонажей, предметов или животных, имеет символическое образное значение и отражает вкус и настроение именуемого. Кроме того, местоимение *мой* присоединяется и к именованиям флоры и фауны: *Птица моя белая...* («Три сестры»). Существует и такой случай, когда применяется комплекс обращений, состоящий из нескольких форм обращения вышесказанных типов в связи с высокой степенью экспрессивности: *Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я не отстану и я знаю, что вы знаете* («Война и мир»).

По замечанию Л. О. Чернейко, «вербальные оценки являются результатом социального взаимодействия людей и основаны на общности межличностного опыта» [19, с. 42]. Аксиологическая лексика включает оценку типа личности (*крохобор, гуляка*), ее поведения (*канючить, мямлить*), результатов деятельности (*халтура, мазня*), социальных контактов (*грызня, бойня*), ситуаций (*показуха, беспредел*) [19, с. 42]. Можно заметить, что в роли обращения нередко используются оценочные лексемы, в которых представлено впечатление говорящего от поведения, состояния или личности собеседника, содержится эмоционально-оценочное отношение говорящего к адресату и отражаются взаимоотношения говорящего и слушающего. В данном случае обращение представляет собой и словесную ответную реакцию говорящего по отношению к адресату: *Чудачка, и я заплакала...* («Дядя Ваня»); *Не горюй, сиротка...* («Дядя Ваня»); *Ты, бедняжка, устала!* («Три сестры»); *Ну, пойдем, старик злосчастный* («Чайка»).

Следует отметить, что слова с положительной оценкой легко выступают в роли обращений, поддерживающих уже начатую коммуникацию: говорящий хвалит слушающего, умиляется или восхищается им. Слова негативной (пейоративной) оценки, занимая позицию обращения, превращаются в ругательства, оскорбления и тем более приводят к нарушению «принципа вежливости» и «принципа кооперации»: *Снимай, болван!* («Война и мир»), особенно это касается стилистически сниженных названий национальности, например: *Молчи, жидовка!* («Иванов»). Но поскольку ни положительные, ни отрицательные оценочные имена не обладают идентифицирующей функцией, они и не выполняют призывную функцию, логически главную для идентификации адресата и иницирующую контакт.

Реляционные слова также являются важным вокативным средством в силу их сильной идентифицирующей функции и одновременно возможности играть роль средства для поддержания коммуникации. Данный класс слов отражает социальную коммуникацию, возрастную или родственную иерархию, а потому служит богатым источником устойчивых (закрепившихся в культуре) обращений. Приведем следующие примеры: *А я, брат, люблю литераторов* («Чайка»); *Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием* («Чайка»); *Я сам, ваше превосходительство, что-то*

не совсем здоров («Дядя Ваня»); *Что, батюшка? Больно?* («Дядя Ваня»); *Нет, дружок, вам с своими генералами против Бонапарте не обойтись...* («Война и мир»); *Я против вас, барон, никогда ничего не имел* («Три сестры»); *Эй! Землячки! Держись влево, стой!* («Война и мир»). Следует отметить, что имена родственных отношений легко соединяются с диминутивами, что придает соответствующему обращению дополнительный стилистический оттенок: *папаша, бабуля, братец, дружок, начальничек*. При этом «первичное родственное или другое значение, как правило, выветривается» [11, с.253].

По мнению Т. Е. Янко, «обозначения высокого места в социальной иерархии вследствие того, что говорящий по политесным соображениям склонен позиционировать слушающего как старшего, могут пополнить класс этикетных обращений» [12, с. 575] (ср. такие имена, как *господин, батюшка, государь, шеф, начальник, командир*). В художественных произведениях XIX в. в функции вокатива часто встречаются названия лиц по профессии – имена *доктор, генерал и полковник*: *Прощайте, доктор. Благодарю...* («Чайка»); *Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки* («Три сестры»); *Помилуйте, генерал, да смею ли я!* («Война и мир»). Понятие, стоящее за именем *доктор* в отличие от понятия *врач*, предполагает не только умение лечить людей, но и положение доктора в обществе как ученого человека. Вместе с тем понятия *полковник* и *генерал* отличаются от понятия *солдат* тем, что полковник и генерал в сравнении с рядовыми занимают более высокий статус в армии и, в силу этого, пользуются большим почтением. Вот почему слова *доктор, генерал и полковник* – стандартные обращения, а

слова *врач, солдат и боец* использовать в качестве обращения не принято.

Из анализа рассмотренного материала вытекает следующий вывод: формы обращения (вокатива) варьируются в зависимости не только от характера коммуникативной ситуации, статуса говорящего и адресата в социальной или родственной иерархии, но и от их жанровой закреплённости (маркированности). Кроме того, способность имени нарицательного использоваться в функции обращения, т. е. при реализации его вокативного потенциала, во многом зависит от его семантических параметров. В рассмотренных художественных произведениях большим вокативным потенциалом обладают те нарицательные имена, за которыми стоят «статусные» роли их референта, по которым они противопоставляются семантически смежным с ними. На формирование обращения влияют прагматические условия общения, например, пространственная, психологическая и социальная дистанция между коммуникантами. Обращения выполняют звательную функцию, а также фатическую (контактоустанавливающую), осложнённую эмоционально-экспрессивными и аксиологическими «добавками» – отношением говорящего к адресату, которое преобладает и ярко отражается в пьесах А. П. Чехова и в романе Л. Н. Толстого. Это даёт словам художников яркие краски в прорисовке взаимоотношений персонажей. Так характеризуются социальные и коммуникативные взаимоотношения людей в ситуациях, где надо общаться, учитывая как «социальную дистанцию», так и «принцип вежливости» как частный случай «принципа кооперации».

Литература

1. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1983. 399 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 34–44.
4. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. 1999. Вып. 2. С. 13–26.
5. Шмелев А. Д. Русские речевые жанры извне и изнутри // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов международной конференции: Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015). Москва, 2015. С. 162–164.
6. Степанова Н. Б. Жанровое мышление носителей русского языка (на материале ассоциатов имен праздноречевых жанров) // Речевые жанры современного общения: тезисы докладов международной конференции: Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015). Москва, 2015. С. 140–143.
7. Минаева Н. А. Дискурсивные особенности речевого жанра // Языковая личность. Речевые жанры: сборник научных статей / под ред. И. В. Голубевой. Таганрог: Таганрогский ин-т им. А. П. Чехова Ростовского гос. экономического ун-та (РИНХ), 2015. С. 52–56.
8. Захарова Е. П. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 163–179.
9. Чернейко Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. 2002. № 8. С. 23–25.
10. Байкулова А. Н. Семейная беседа // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 151–163.
11. Янко Т. Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. 2011. Т. 11. С. 239–255.
12. Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2009. С. 574–580.
13. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений

говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

14. Милёхина Т. А. Светская беседа // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилициной и О. Б. Сиротининой. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. С. 131–151.

15. Арутюнова Н. Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. 281 с.

16. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

17. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм – «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

18. Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Грани познания. 2010. № 5(10). С. 47–52.

19. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996. № 6. С. 42–53.

FORMS OF ADDRESS AND VOCATIVE FUNCTIONS OF COMMON NOUNS IN FICTION

Yu Yixing^{1, @}

¹ Moscow State University of M. V. Lomonosov, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@ yux-diana@yandex.ru

Received 30.05.2017.

Accepted 17.08.2017.

Keywords: address, common nouns, vocative functions, genre fixation, vocative potential, communicative relationships.

Abstract: The article considers the genre fixation of various units of address. It focuses on the forms of address and their vocative functions in the genres of literature. According to the application of the methods of structural and component analysis, two main functions of the variants of salutation in literature are revealed: calling and phatic functions. The phatic function in terms of emotional-expressive and axiological components presents another level of complexity. As a result of the analysis, it turned out that the realization of the vocative potential of common nouns depends on their semantic parameters, to a certain extent. In the considered literature works a greater vocative potential belongs to the nominal names with the "status" roles of their referent that manifest themselves in the social or related hierarchy, according to which they are opposed to those nouns, which are semantically adjacent to them. At the same time, words with positive evaluation are likely to act as salutations supporting an act of communication that has already started; as for relational words, they represent important vocative means, due to their strong identifying function as well as their ability to maintain communication. The article features social and communicative relationships in situations, where it is necessary to observe the "social distance" and adhere to the "principle of courtesy" and the "principle of cooperation".

For citation: Yu Yixing. Formy obrashcheniia i vokativnye funktsii imen naritsatel'nykh (na materiale tekstov khudozhestvennoi literatury) [Forms of Address and Vocative Functions of Common Nouns in Fiction]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 217–222. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-217-222.

References

1. Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka* [Historical grammar of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1983, 399.

2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 424.

3. Dement'ev V. V. Faticheskie i informativnye kommunikativnye zamysly i kommunikativnye intentsii: problemy kommunikativnoi kompetentsii i tipologii rechevykh zhanrov [Fatic and informative communicative ideas and communicative intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres]. *Zhanry rechi = Speech genres*, Iss. 1 (1997): 34–44.

4. Sedov K. F. O zhanrovoi prirode diskursivnogo myshleniia iazykovoi lichnosti [On the genre nature of the discursive thinking of the language personality]. *Zhanry rechi = Speech genres*, Iss. 2 (1999): 13–26.

5. Shmelev A. D. Russkie rechevye zhanry izвне i iznutri [Russian speech genres from outside and from within]. *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniia: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii: Odinnadtsatye Shmelevskie chteniia (23–25 fevralia 2015)* [Speech genres of modern communication: Proc. Intern. Conf. Eleventh Shmelevskie readings (February 23–25 2015)]. Moscow. 2015, 162–164.

6. Stepanova N. B. Zhanrovoe myshlenie nositelei russkogo iazyka (na materiale assotsiativ imen prazdnorechevykh zhanrov) [Genre thinking of native speakers of Russian language (on the material of associates of names of idle genres)]. *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniia: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii: Odinnadtsatye Shmelevskie*

chteniia (23–25 fevralia 2015) [Speech genres of modern communication: Proc. Intern. Conf: Eleventh Shmelevskie readings (February 23–25 2015)]. Moscow, 2015, 140–143.

7. Minaeva N. A. *Diskursivnye osobennosti rechevogo zhanra* [Discourse features of the speech genre]. *Iazykovaia lichnost'. Rechevye zhanry* [Language personality. Speech genres]. Ed. I. V. Golubeva. Taganrog: Taganrofskii in-t im. A. P. Chekhova Rostovskogo gos. ekonomicheskogo un-ta (RINKh), 2015, 52–56.

8. Zakharova E. P. Kommunikativnye kategorii i normy [Communicative categories and norms]. *Khoroshaia rech'* [Good speech]. Moscow: LIBROKOM, 2015, 163–179.

9. Cherneiko L. O. Imia sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob"ekt avtorskogo prava [The personal name as a result of individual creativity and as an object of author's right]. *Izobretatel'stvo = Invention*, no. 8 (2002): 23–25.

10. Baikulova A. N. Semeinaia beseda [Family conversation]. *Khoroshaia rech'* [Good speech]. Moscow: LIBROKOM, 2015, 151–163.

11. Ianko T. E. Leksicheskaia semantika obrashchenii: semanticheskie osobennosti russkikh antroponimov i drugih imen, oboznachaiushchikh liudei [Lexical semantics of salutation: semantic features of Russian anthroponyms and other names denoting people]. *Iazyk i rechevaia deiatel'nost' = Language and Speech Activity*, vol. 11 (2011): 239–255.

12. Ianko T. E. Russkie obrashcheniia: slovarnaia informatsiia i vokativnye konstruktii [Russian salutations: dictionary information and vocative constructions]. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computer linguistics and intellectual technologies based on the materials of the annual International Conference «Dialog»]. Moscow, 2009, 574–580.

13. Vinokur T. G. Informativnaia i fatcheskaia rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoriashchego i slushaiushchego [Informative and phatic speech as the discovery of different communicative intentions of the speaker and listener] *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [The Russian Language in its Functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka, 1993, 5–29.

14. Milekhina T. A. Svetskaia beseda [Secular talk]. *Khoroshaia rech'* [Good speech]. Moscow: LIBROKOM, 2015, 131–151.

15. Arutiunova N. D. *Chelovecheskii faktor v iazyke: Kommunikatsiia, modal'nost', deiksis* [The human factor in the language: Communication, modality, deixis]. Moscow: Nauka, 1992, 281.

16. Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in works of Chekhov]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, 400.

17. Iakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm – «za» i «protiv»* [Structuralism – «for» and «against»]. Moscow: Progress, 1975, 193–230.

18. Suprun V. I. Osobennosti ispol'zovaniia vokativnykh edinit v sovremennom russkom iazyke [Features of the use of vocative units in the modern Russian language]. *Grani poznaniia = Boundaries of knowledge*, no. 5(10) (2010): 47–52.

19. Cherneiko L. O. Porozhdenie i vospriatie mezhlichnostnykh otsenok [The generation and perception of interpersonal assessments]. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*, no. 6 (1996): 42–53.